

АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ГАНИН

кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: andrey_ganin@mail.ru

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных материалов РГВА и ГАРФ исследована история репрессий осени 1918 г. в отношении бывших офицеров, осуществлявшихся на Северо-Западе России, прежде всего в Петрограде. Приоритетное внимание уделено арестам морских офицеров и генштабистов, прослежены причины арестов, сделаны выводы о практике упреждающего террора органов ЧК и о деятельности антибольшевистского подполья.

Ключевые слова: военспецы, генштабисты, РККА, ВЧК, репрессии, Гражданская война.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АРЕСТАХ ПЕТРОГРАДСКИХ ВОЕНСПЕЦОВ ОСЕНЬЮ 1918 г.*

В очередной раз приходится убедиться, насколько тесно переплетаются «большая» и «малая» история нашей страны. В прошлом году вниманию читателей «Клио» был предложен материал об аресте в 1918 г. генштабиста В.В. Трофимова и попытках высшего советского военно-политического руководства добиться его освобождения из тюрьмы¹. Уже после выхода статьи обнаружилось неожиданное продолжение этой истории. Она обросла новыми подробностями, проливающими свет на целый пласт исторических событий 1918–1919 гг., включая обстоятельства ареста Трофимова и других военспецов в Петрограде. В фонде Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР) в Российском государственном военном архиве был выявлен комплекс интереснейших документов Трофимова, подготовленных им после освобождения из-под ареста.

Освободившись и уехав из злополучного Петрограда в Москву и далее в Серпухов, Трофимов не успокоился и стал добиваться справедливости в отношении других арестованных, с которыми, очевидно, сдружился за время нахождения под стражей, а также был связан по прежней службе. В начале января 1919 г. он подготовил большой доклад о производе петроградских чекистов, который направил на имя начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева.

Вместе с докладом Трофимовым были представлены и другие документы – список арестованных генштабистов, рапорт арестованного генштабиста Б.П. Полякова и рапорт самого Трофимова, пояснявший причины направления начальству этого пакета документов, явно не относившихся к должностным обязанностям военспеца.

Автор доклада требовал применения действующего в республике законодательства к взаимоотношениям военных и чекистов. В частности, предлагал выполнять постановления Совета рабочей и крестьянской обороны о предоставлении наркоматам права участия в следствии и права на освобождение своих сотрудников под поручительство. В Советской России это постановление на практике не выполнялось, так как добиться от органов ЧК не только освобождения арестованных, но хотя бы объяснения причин арестов и сообщения выдвинутых обвинений, было невозможно.

Самоуправство чекистов, в том числе в Петрограде, вызвало нарекания не только со стороны преследуемых военспецов, но и со стороны партийного руководства и породило в конце 1918 – начале 1919 г. дискусию о реформировании органов ЧК и ограничении их полномочий². Одним из итогов этой дискуссии стала передача права вынесения приговоров ревтрибуналам (за исключением местностей, находившихся на военном положении), ограничение следствия месячным сроком³ и некоторое сокращение масштабов репрессий.

На волне публичной дискуссии о полномочиях ЧК и появился доклад Трофимова. Его автор предлагал кардинально изменить правила работы ЧК и привлечь к следствию по делам военспецов соответствующих военных экспертов, чтобы предотвратить необоснованные репрессии и способствовать скорейшему возвращению арестованных на военную службу. Если бы такой подход удалось реализовать, получалось бы, что не спецслужбы контролируют военспецов, а, наоборот, бывшие офицеры имеют рычаги воздействия на карательные органы. Разумеется, в условиях Гражданской войны такое преобразование было малореальным. Сомнительно, чтобы Костяев дал дальнейший ход такому острому докладу, чреватому непредсказуемыми последствиями и для него самого. Тем более что начальник Полевого штаба уже был научен собственным печальным опытом пребывания под таким же беспричинным арестом летом 1918 г.⁴, не за горами был и следующий его арест по «делу» Полевого штаба РВСР.

По мнению Трофимова, работники Петроградской ЧК физически не справлялись с огромной массой арестованных, из-за чего многие заключенные безо всякой вины месяцами томились в тюрьме без допросов и обвинений. Понятно, что недовольство военспеца органами госбезопасности должно было остаться «гласом вопиющего в пустыне». Тем не менее документы Трофимова демонстрируют особенности восприятия карательной политики большевиков армейской элитой, а также проливают свет на петроградские события осени 1918 г.

Наиболее подробно доклад освещает положение арестованных в конце сентября 1918 г. военных моряков, служивших в морских силах реки Невы и Ладожского озера во главе с бывшим капитаном 1-го ранга А.П. Екимовым 2-м. Согласно докладу они были арестованы в связи с раскрытием в сентябре 1918 г. заговора моряков Селигеро-Волжской флотилии в Осташкове во главе с ее командующим, бывшим старшим лейтенантом И.Н. Билибиным⁵.

Дело Селигеро-Волжской флотилии

Об этом заговоре известно немного. По одной из версий, командующий флотилией Билибин был участником Ярославского восстания. Однако, думается, эта версия недостоверна. Во-первых, по ней Билибин был убит в боях в Ярославле⁶, что не соответствует действительности. Во-вторых, вряд ли участник контрреволюционного восстания мог сразу после него оказаться на руководящем посту в советском военном флоте.

Свет на события в Селигеро-Волжской флотилии проливают воспоминания гардемарина (на 1918 г., позднее – мичмана) П.В. Репина «Селигеро-Волжская флотилия. Кампания 1918 года. Записки белого моряка», которые в рукописном виде хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и которые их автор готовил к изданию, но так и не опубликовал. Воспоминания были написаны в 1919–1920 гг. вскоре после бегства Репина из Советской России в Финляндию, а в 1935 г. частично отредактированы самим мемуаристом в Чехословакии⁷.

Сам Репин происходил из района Селигера (село Кравотынь), причем по его описанию в августе 1918 г. Селигер представлял собой «тихое озеро, темные леса, серые

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Выражаю сердечную благодарность историкам отечественного Военно-морского флота к.и.н. А.Ю. Емелину (Санкт-Петербург) и к.и.н. Н.А. Кузнецову (Москва) за ценные рекомендации.

домики, зеленые колоколенки – тихий край»⁸. По свидетельству Репина, появление на Селигере летом 1918 г. моряков было полной неожиданностью как для него, так и для других местных жителей. Быстро распространились слухи, что приехали не матросы, а переодетые офицеры из тайной организации бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Д.П. Парского⁹.

Будучи военным руководителем Северного участка и Петроградского района завесы, Парский действительно разработал план обороны Северо-Запада России от немцев, в котором играли роль и речные флотилии. В конце июня – начале июля 1918 г. им были составлены весьма секретные «Соображения на случай немецкого наступления». Парский считал, что из-за крайней слабости советских войск столкновения с немцами они не выдержат. Стратегическое положение красных частей было крайне невыгодным. Балтийский флот был дезорганизован, хотя и представлял некоторую боевую силу, но был рассредоточен в районе Кронштадта, на Неве и в Ладожском озере. Красная армия была не в состоянии упорно обороняться против регулярных германских частей. Поэтому Парский считал необходимым, не принимая боя, всемерно замедлять продвижение противника, например, партизанскими действиями. В этом плане особое значение придавалось речным и озерным флотилиям. Предлагалось занять линию обороны по рекам Волхов и Свирь¹⁰. Парскому удалось за два месяца организовать оборону района между Ладожским и Онежским озерами, районов Олонца и Петрозаводска. Кроме того, совместно с флотом он организовал оборону Невы и Ладожского озера и положил начало освещения Онежского озера разведкой. Впрочем, весомых доказательств того, что Парский имел какое-либо отношение к антибольшевистскому подполью, пока не обнаружено.

Гардемарин Репин вспоминал о своих умонастроениях лета 1918 г.: «Отвращение к “новому режиму”, жажда избавления от “власти народа” были так велики, что тянуло к опасностям и риску. Все равно рано или поздно я должен был переходить в лагерь “своих”, на сторону “белых” и в описываемое время я уже не раз с Васей (бывший прапорщик В. Верзин. – А.Г.) поговаривал, как бы удрасть к чехословакам, которые в ту пору были где-то на Волге. Таким образом, сейчас мне мог представляться случай, когда, не совершая долгого путешествия к чехословакам, можно было принять участие в борьбе с большевиками здесь на месте»¹¹. Подобных взглядов придерживались тогда многие флотские офицеры.

Решив узнать, что за моряки приехали на Селигер, Репин отправился на остров Городомля, где первоначально базировалась флотилия, и убедился в обоснованности слухов о том, что на острове расположились не матросы, а переодетые офицеры. Более того, Репин встретил здесь целую группу своих однокашников по последнему ускоренному выпуску Морского корпуса 1918 г. (А. Балабанов, В. Бобровский, А. Муравьев, В. Юшко).

Однокашники предложили Репину служить вместе с ними. Балабанов поведал о флотилии следующее: «Публику нашу ты видел <...> Все мы сначала были на отряде быстроходных катеров в Петрограде. Собирались на них “драпать” к англичанам. Но потом получались какие-то инструкции свыше, и нас всех послали сюда. Какие цели – никому из нас неизвестно. Но наш комиссар – парень с головой и ему доверяться можно. Бывший студент, кажется. Он всем и заправляет. Начальником отряда старший лейтенант Билибин. Тоже очень энергичный человек и шутить не любит. А в общем жалование нам платят. Я числюсь боцманом, получаю 500 рублей, и хоть кормят неважно сейчас, но, прикупая кое-что в деревне, с голоду не сдохнешь»¹².

Продолжая агитировать своего товарища, Балабанов дополнил рассказ следующим: «Мы тебе о целях отряда, как я и раньше сказал, ничего сообщить не можем, потому что сами не знаем <...> Официально мы – красноармейцы, но по составу ты видишь, кто мы. Всего нас здесь на острове и в Осташкове человек двадцать, хотя мы стараемся всюду распространить слухи, что нас больше. Вла-

сти в Осташкове нам покровительствуют, и совдеп собирается на нас опираться, к[а]к на самый надежный элемент. Нам настолько доверяют, что, например, третьего дня нам из военного строительства отпустили почти все пулеметы и массу патронов, а сами остались ни с чем. Однако на днях до нас дошли уже слухи, что в деревнях нас считают все же за белых. Пришлось организовать демонстрацию, чтобы рассеять эти слухи. Вчера вечером мы все поехали в город и с оружием появились в городском саду. Начали приставать к женщинам, пели песни и даже прервали оркестр и заставили его играть Марсельезу. Сегодня нам уже передавали, что осташи¹³ перестали сомневаться в нашей революционности. Больше рассказывать о себе нечего, делай выводы, какие хочешь, и решай сам, стоит ли тебе пускаться в эту авантюру. Сам бы я участие в ней считал своим долгом...»¹⁴

Опасаясь мобилизации в Красную армию, Репин решил пойти на службу во флотилию¹⁵, хотя и считал, что бывшие офицеры у красных служат своим угнетателям¹⁶. Вид личного состава флотилии был таков, что, по свидетельству Репина, мог служить иллюстрацией либо к поэме А.С. Пушкина «Братья-разбойники», либо к романам Т. Майн-Рида и Д.Ф. Купера¹⁷.

Название флотилии свидетельствовало о том, что она должна располагаться не только на Селигере, но и в верховьях Волги, в том числе для охраны транспортов с хлебными грузами. На озере для военных целей был пригоден только пароход «Осташков», на Селигерской системе были реквизированы колесный буксир «Александр Беляков» и катер «Селижаровка», также для нужд флотилии офицеры реквизировали несколько пароходов на Волге. Флотилия была подчинена третьему советскому военному строительству.

По официальной чекистской версии, командовавший флотилией Билибин работал на англичан и якобы должен был силами флотилии содействовать британскому наступлению с Севера¹⁸. Но очевидно, что слабая флотилия катеров и вооруженных пароходов¹⁹ имела оборонительное значение и без взаимодействия с сухопутными силами никак не могла содействовать наступлению на Петроград от Архангельска и Мурманска, где находились англичане. Разочаровавшись в англичанах, Билибин якобы предложил услуги немцам, через начальника базы флотилии И.М. Лукина связался с петроградской монархической организацией Н.Е. Маркова 2-го и стал выполнять задания немцев. Впрочем, мемуары Репина рисуют другую последовательность перемены политических ориентиров в подполье, о чем будет сказано ниже.

Репин так описывал Лукина: «Это был маленький, довольно полный брюнет в морской тужурке, заросший торчавшими во все стороны щетинистыми усами и бородой, по-видимому, первый раз в жизни отпускаящимися»²⁰. Портрет Билибина иной: «Через несколько минут из-за деревьев по дорожке вышел большими шагами на полянку высокий брюнет в черной морской тужурке с черными костяными пуговицами, яхт-клубской фуражке и желтых замшевых перчатках. Заросшее энергичное лицо с густыми нахмуренными бровями было мне незнакомо. Он, точно не замечая меня, прошел мимо прямо к Лукину и, козырнув, поздоровался с ним...»²¹

Сам Репин не стремился втягиваться в подпольную борьбу и заговоры, но нужно было принимать какое-то решение. Уговаривали его не только товарищи по корпусу, но и Лукин, заявивший: «Вы же гардемарин, вас здесь знают, а живется вам, наверно, сейчас не сладко, а здесь интересное дело <...> Поступайте к нам. Публика здесь, как я заметил, для вас более или менее знакомая, служба хоть и у большевиков, да не большевистская, денег будете получать достаточно; по-моему, вам и решать ничего не надо <...> Наш отряд, называемый Селигеро-Волжской флотилией, создан по проекту генерала Парского для обороны линии Полоцк – Новгород от вторжения немцев в Россию. Официально мы матросы или просто военные, никакой политикой не занимающиеся, а поставленные для охраны границ государства. Неофициально, и это, конеч-

но, между нами, мы люди, верные своему долгу, люди, помнящие законную Царскую власть и готовые встать на первый призыв свыше против всяких большевиков и компании. Мы – теперь уже не та гнилая интеллигенция, которая довела Россию до катастрофы, а люди, помнящие присягу и верность Престолу. Думаю, что для вас как сына офицера этого достаточно»²².

Монархист и германofil Лукин был наивно убежден, что не далее как «через месяц тишь да гладь на Руси будет»²³. Репин же был нужен заговорщикам как знаток селигерского района. Руководители заговора были уверены в полном успехе, хотя никаких оснований для такой уверенности не было (уровень подготовки заговора был таков, что Билибин расспрашивал Репина о том, возможно ли успешное восстание в этом районе²⁴). Комиссар флотилии А.П. Калмыков, бывший председатель академической группы петроградского Политехнического института, был тоже вовлечен в заговор.

На самом деле подпольная работа во флотилии не велась. Репин вспоминал, что ему было непонятно, занимается ли в действительности флотилия какой-то борьбой или все это фикция, поскольку противостояние большевикам, как ему казалось, ограничивалось одними разговорами. Чтобы не попасть под подозрение, моряки ходили с оружием и развязным видом распугивали жителей, изображая революционных матросов²⁵. Тем не менее в связи с захватом чекистами здания британского посольства в Петрограде 31 августа 1918 г. существовал риск обнаружения компрометирующих флотилию документов²⁶.

Заговор был раскрыт довольно быстро. В ночь на 29 сентября возвращавшиеся из Петрограда Билибин с супругой (художницей-прикладницей Петроградского фарфорового завода) были арестованы петроградскими чекистами в поезде на станции Бологое. В то же время у разъезда Козино чекисты обстреляли из револьверов паромщик флотилии, подошедший для встречи Билибина. С парохода ответили пулеметным огнем. Вследствие инцидента несколько заговорщиков были вынуждены бежать. Чекисты же получили удобный повод для арестов в Твери, Новгороде, Тихвине, Бологом и в других местах²⁷.

По воспоминаниям Репина, находившегося тогда уже на Волге, а не на Селигере и не имевшего информации из первых рук, параллельно с арестом Билибина местный Совет в Осташкове попытался разоружить флотилию, из-за чего и произошел конфликт²⁸. Перестрелка при встрече Билибина сделала конфронтацию необратимой. Испортив часть оружия и техники, группа заговорщиков во главе с заместителем комиссара флотилии Герчиковым бежала с Селигера, а в конце октября 1918 г. флотилия была ликвидирована²⁹.

Билибин, по данным семьи, был расстрелян в феврале 1919 г., по другой версии, это произошло в апреле 1919 г. Факт его расстрела подтверждает и Репин³⁰. К сожалению, более точных данных о его судьбе нет. 27-летняя супруга Билибина освободилась и уехала в Великобританию, где вышла замуж за банкира.

После ареста Билибина служащие флотилии опасались разбежаться, чтобы не скомпрометировать своего командира³¹. Тем не менее они оказались под наблюдением чекистов, и многие были арестованы. Билибин содержался в доме предварительного заключения в Петрограде, а остальные арестованные (по данным уцелевших, порядка семи человек) – в Дерябинской тюрьме. Доказательств по делу не имелось, поскольку документы успели уничтожить. По свидетельству Репина, за исключением Билибина, арестованные по делу были освобождены с обязательством служить большевикам³².

Уцелевшие возлагали всю вину за провал на Лукина, который занимался лишь собственным спасением. В результате только случайно о раскрытии организации было дано знать в Осташков (для тамошних заговорщиков это было неважно, так как у них уже произошел конфликт с местным советом) и в Тверь. После месячного пребывания на нелегальном положении Лукин при помощи немцев бежал в Финляндию. В Псков, где члены организации

собирались встретиться в случае неудачи, почти никто не поехал.

Уже в Финляндии, общаясь с Лукиным и другими бежавшими, Репин узнал подлинную историю событий. Таким образом, он имел основания считать себя случайным участником фактически неизвестного ему заговора. Как выяснилось, заговорщики на Селигере представляли лишь часть подполья. Якобы во главе всего дела стоял генерал Н.Н. Юденич, что противоречит прогерманской ориентации подпольщиков. Селигерские моряки должны были пропустить немцев из Полоцка в случае их наступления³³. По всей видимости, аналогичным малопочтенным образом предполагалось действовать и на других флотилиях – Чудской и Волхово-Ильменской. Вполне возможно, связаны с подпольем были и руководители морских сил реки Невы и Ладожского озера.

Связями с германским штабом на Селигере ведал Лукин, Билибин же занимался исключительно строевыми вопросами, а с большевиками взаимодействовал комиссар Калмыков. Репин писал: «Но, вопреки всему, немцы в назначенный срок не выступили, и все организации остались как рыбы на мели. Наступила общая растерянность»³⁴. Тогда Билибин и Калмыков переориентировались на англичан, а Лукин продолжил сотрудничать с немцами. По свидетельству Репина, англичане даже выдали Билибину деньги для перевода флотилии в Котлас. После переговоров с англичанами Билибин, возвращавшийся из Петрограда, и был арестован³⁵. Сам Репин подводил неутешительный итог: «Вообще, надо сознаться, дело нашей флотилии не из блестящих, наши руководители оказались далеко не на высоте своего положения»³⁶.

С монархической организацией Маркова 2-го, по версии чекистов, сотрудничал штаб I советского корпуса и штаб Северной участка и Петроградского района, в оперативном отделении которого служил бывший ротмистр В.Г. фон Розенберг – выпускник ускоренных курсов военной академии и однокашник Трофимова. Целью организации был захват Петрограда. Но Розенберг еще 27 августа 1918 г. подал рапорт об увольнении в двухмесячный отпуск по болезни (страдал стенокардией и сердечбиением³⁷) с сохранением содержания и возможностью выехать за границу – в Польшу или Прибалтику, и 31 августа был уволен от службы³⁸. В октябре, вместо того чтобы вернуться в РККА, он появился в оккупированном немцами Пскове и поступил на службу в антибольшевистскую Северную армию.

Удивляться наличию множества тайных офицерских организаций в тот период не приходится. Сохранилось немало свидетельств повсеместного вовлечения бывших балтийских морских офицеров в различные подпольные группировки. Как вспоминал капитан 1-го ранга Г.Е. Чаплин, «должен сказать, что к маю 1918 года я не избежал общей участи и состоял в рядах “тайной” офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге (так в тексте. – А.Г.) имя было легион <...> я прекрасно сознавал всю беспомощность нашего положения»³⁹. По другому свидетельству, «Петроград кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками»⁴⁰.

Раскрытие организации могло привести к репрессиям в отношении различных ее подразделений. И события на Селигере не были исключением. О нелояльности командного состава речных и озерных флотилий свидетельствовали не только события в Селигеро-Волжской флотилии, но также измена командующего Чудской озерной флотилией бывшего капитана 2-го ранга Д.Д. Нелидова, уведшего к белым в Псков в конце октября 1918 г. три парохода⁴¹. Изменами моряков был возмущен комиссар штаба Северного фронта Л.М. Глезаров⁴².

Дело Минной дивизии и морских сил реки Невы и Ладожского озера

Не менее важным фактором было то, что еще в мае-июне 1918 г. произошли крупные беспорядки в Минной дивизии Балтийского флота, едва не приведшие к падению большевистской власти в Петрограде. Об этом как о причине ареста группы Екимова в докладе Трофимова не

говорится. Между тем весной 1918 г. Екимов занимал пост начальника Минной дивизии, включавшей 15 эсминцев и вспомогательные суда, в которой в мае-июне 1918 г. произошли волнения. Впрочем, уже с 16 мая 1918 г. Екимов значился старшим морским начальником на реке Неве и Ладожском озере.

Протестуя против возможного взрыва флота, за который выступал нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, собравшиеся 11 мая на эсминце «Победитель» минеры приняли резолюцию с требованиями роспуска Петроградской коммуны и установления в регионе морской диктатуры Балтийского флота⁴³. На одном из митингов бывший мичман Г.Н. Лисаневич заявил приехавшим представителям власти наркому просвещения А.В. Луначарскому и заместителю Троцкого по морским делам Ф.Ф. Раскольникову: «Пока во главе русского государства будут стоять недоучки Раскольниковы, Россия не выйдет из тяжелого положения». Луначарский и Раскольников были вынуждены покинуть митинг⁴⁴. Задержанная дивизии после Ледового похода в Петрограде, произошедшая по техническим причинам при перебазировании на Ладожское озеро, вызвала беспокойство большевиков и была в числе обвинений из расстрельного приговора начальника морских сил Балтийского моря бывшего капитана 1-го ранга А.М. Щастного⁴⁵.

Моряки дивизии поддержали антиправительственные выступления рабочих Обуховского завода⁴⁶. По свидетельству Г.Е. Чаплина, на кораблях Минной дивизии при его участии были созданы ячейки организации, планировавшие подрыв кораблей в случае передачи их немцам⁴⁷. Ситуация накалялась. 20 июня эсеровским боевиком был убит комиссар В. Володарский (М.М. Гольдштейн), ехавший на митинг на Обуховском заводе. Вскоре пришло известие о расстреле в Москве Щастного.

После расстрела Щастного на нескольких эсминцах произошли беспорядки. Три эсминца («Свобода», «Изяслав» и «Гавриил») выдвинулись вверх по реке, приготовили к бою орудия и стали на якоря посередине Невы у села Рыбацкое. Создалась прямая угроза большевистской власти в «колыбели революции». В результате решительных действий с помощью кронштадтских моряков 24 июня дивизию удалось привести к повиновению и разоружить. Разоружение срывало существовавшие планы использования дивизии руководством подпольного «Союза возрождения», а также военной организацией партии эсеров⁴⁸.

Неизвестно, какую роль в событиях мая-июня 1917 г. вокруг дивизии играло ее командование в лице Екимова и его начальника штаба В.В. Селитренникова. Однако тот факт, что эти бывшие офицеры не понесли наказания вплоть до осени 1918 г., когда они уже составляли штаб морских сил реки Невы и Ладожского озера, вызывает вопросы. Выходцем из Минной дивизии был и руководитель селигерского заговора Билибин. К сожалению, даже в специальных исследованиях по истории Балтийского флота, по истории Петроградской ЧК и репрессий, в том числе на флоте, сведения о репрессиях в отношении военных моряков осенью 1918 г. носят отрывочный характер. Возможно, свет на обстоятельства дела флотских офицеров прольют дальнейшие архивные поиски.

По официальной чекистской версии, Екимов и его подчиненные стремились перебросить как можно больше кораблей на Ладожское и Онежское озера, чтобы иметь возможность стянуть силы к Петрозаводску, а также по Мариинской системе в район Вологды для содействия наступлению интервентов⁴⁹. Абсурдность этого обвинения, кажется, не требует особых комментариев. Чтобы провести эсминцы по Мариинской системе, их требовалось сначала разгрузить до необходимой осадки. Эти действия не могли быть незаметными или быстрыми, причем содействовать наступлению интервентов эсминцы не могли. Пребывание эсминцев на Ладоге было продиктовано необходимостью охраны границы с Финляндией. Более того, подготовка трех эсминцев («Дельный», «Деятельный», «Расторопный») к переброске на Волгу выполнялась не по собственной инициативе «заговорщиков», а по срочному распоряжению

наркомата по морским делам от 7 сентября 1918 г., и о каких-то самостоятельных действиях моряков речь не шла⁵⁰.

Аресты моряков прошли вскоре после отправки эсминцев на Волгу. Поводом для арестов послужило то, что эсминец «Всадник» сел на камни на Ивановских порогах между Тосной и Мгой. С другой стороны, морские силы реки Невы и Ладожского озера ничего серьезного как боевая единица не представляли, так как еще 7 сентября 1918 г. приказом по флоту Балтийского моря по причине недостатка топлива было предписано из состава этих сил «оставить в действии» только два сторожевых судна («Выдра» и «Ласка») ⁵¹. Остальные корабли, в том числе Минную дивизию, предписывалось перевести на хранение.

Чекисты, зная о множестве подпольных организаций в Петрограде и вокруг него и располагая данными о нелояльности тех или иных бывших офицеров, решили действовать на упреждение, арестовывая даже невиновных, но подозрительных, с их точки зрения, военспецов. Подобные методы отличались результативностью. Видный контрразведчик генерал К.И. Глобачев отмечал: «Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходил чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину»⁵². Получается, что в тайной войне в Петрограде, где не существовало никаких правил, большевики с помощью чекистов, даже не вникая в истинную подоплеку событий и реальные действия подполья, полностью переиграли своих противников в лице антибольшевистски настроенных бывших офицеров и содействовавших им представителей иностранных держав.

Аресты петроградских генштабистов

Необходимо остановиться на вопросе об арестах петроградских генштабистов. Массовые их аресты проводились еще летом 1918 г., т.е. даже до официального провозглашения красного террора. Арестованные находились на положении заложников⁵³, и обвинений им не предъявлялось. В документах Трофимова, кроме него самого, упомянуты как арестованные пять выпускников академии: Б.Н. Кондратьев, В.С. Михеев, Б.П. Поляков, Л.И. Савченко-Маценко, А.Ф. Степанов. Также у Трофимова и в других документах встречается не идентифицированный Кошураков (Кануранов), не значащийся ни среди генштабистов, ни среди офицеров русской армии в целом.

Из других документов известно, что в Петрограде в ноябре-декабре содержались и не упомянутые Трофимовым выпускники академии: Н.И. Дроздовский (на несколько месяцев был парализован и не мог говорить⁵⁴, что, впрочем, не помешало его аресту), В.Г. Зиверт, А.Г. Кузьмин, В.В. Салов, К.И. Сербинич, М.Н. Суворов, Д.Г. Фокке, А.И. Черепенников, Г.А. Шпилько, А.Д. Шуваев. Ранее под арестом содержались Н.Д. Всеволодов, Ф.В. Костяев, Н.П. Михневич, А.А. Поливанов, Н.Н. Усов. Таким образом, петроградские чекисты летом-осенью 1918 г. арестовали такое количество генштабистов, которого с избытком хватало для заполнения штатных должностей штаба армии. Причем происходило это как раз в тот период, когда Красная армия активно организовывалась и потребность в генштабистах была особенно велика.

А.Г. Елчанинов и Д.М. Княжевич в результате ареста оказались расстреляны, В.В. Салов умер в заключении⁵⁵.

Положение некоторых освобожденных было немногим лучше и, несомненно, способствовало их скорой гибели. Бывший военный министр, 65-летний А.А. Поливанов писал 30 июня 1919 г. в заявлении в Президиум МЧК, что по освобождении 2 октября 1918 г. без предъявления обвинения вышел из тюрьмы «с особым потрясением нервной системы, которое лишило меня способности передвигаться по городским улицам одному без провожатого»⁵⁶. 28 мая 1919 г. он вновь был арестован. В результате пережитого 25 сентября 1920 г. Поливанов скончался.

Генштабистов держали в Дерябинской тюрьме без предъявления обвинения. По данным на 12 ноября, должно было быть возбуждено срочное ходатайство об освобождении арестованных к тому времени⁵⁷. Семьи заключенных голодали и выселялись из квартир⁵⁸. Расследование дел генштабистов просил ускорить петроградский окружной военкомат⁵⁹, поскольку военспецы были срочно нужны на фронтах. В ноябре 1918 г. предписания выехать на Южный фронт были направлены семерым из петроградских арестантов (В.Г. Зиверту, А.Г. Кузьмину, В.С. Михееву, Б.П. Полякову, Л.И. Савченко-Маценко, В.В. Салову, Д.Г. Фокке)⁶⁰. Разумеется, отправиться по назначению, будучи в тюрьме, они не могли. Между тем к 20 декабря 1918 г. в штабе Южного фронта неоставалось до штата 8 генштабистов, в том числе на ключевой должности начальника оперативного отдела, некоторые менее значительные должности (помощник начальника оперативного отделения, начальник разведывательного отделения) в связи с нехваткой кадров замещались слабо подготовленными выпускниками ускоренных курсов академии⁶¹.

Бывший Генштаба полковник Б.П. Поляков находился под арестом без предъявления обвинения более семи месяцев с 22 июня 1918 г. по 1 февраля 1919 г.⁶² Супруга Полякова писала Н.И. Раттэлю в РСР 22 ноября 1918 г.: «Муж шестой месяц [в] заключении, настоятельнейше прошу серьезного ходатайства [об] освобождении, нахожусь [с] семьей совершенно без средств. Прошу ответить Каменноостровский, 61. Полякова»⁶³. Эта краткая телеграмма проливает свет на тяжелое материальное положение семей арестованных генштабистов, оказавшихся в безвыходном положении. Неудивительно, что в 1919 г., после этих репрессий, следы Полякова обнаруживаются в антибольшевистской Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. На таких примерах наглядно прослеживается сомнительная польза немотивированных арестов «лиц Генштаба» для большевиков.

Бывший генерал Савченко-Маценко был начальником военных сообщений при Петроградском округе путей сообщения. Тюрьма довела его до того, что он практически находился при смерти от истощения и сыпного тифа. Только перевод в полевой запасной госпиталь сохранил ему на некоторое время жизнь⁶⁴. Страдания военспеца на этом не прекратились, причем петроградские чекисты вновь демонстрировали чудеса «профессионализма». 2 июля 1919 г. бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Москва. Народному комиссару внутренних дел т. Дзержинскому. [В] Петрограде арестована жена Генштаба (так в документе. — А.Г.) Надежда Александровна Савченко-Маценко и его же сестра, Наталия Ивановна Шестакова. При обыске найдены металлические части артиллерийской трубки и артиллерийского снаряда, не снаряженная и служившая украшением и прессом [на] письменном столе. Жена чачоточная, дома остался ребенок и старуха. Ходатайствую [о] содействии освободить жену и сестру Генштаба Савченко-Маценко. 2 июля 1919 г. Михаил Бонч-Бруевич»⁶⁵.

Перестраховка в связи с возможными заговорами начинала вредить строительству Красной армии. В.И. Ленин еще 29 декабря 1918 г. просил председателя Петроградской ЧК освободить бывшего Генштаба генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко и бывшего генштабиста полковника Б.П. Полякова⁶⁶, однако первого освободили в январе, а второго — лишь 1 февраля. Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки и арестованные генштабисты были либо освобождены, либо осуждены, потребовалось спе-

циальное постановление Совета обороны от 8 января 1919 г., в котором сведения об арестованных (В.С. Михееве, Д.Г. Фокке, М.Н. Суворове, Л.В. Квитницком, К.И. Жихоре, А.Н. Цурпалева, В.А. Ивановском и А.М. Зайончковском) были затребованы в трехдневный срок⁶⁷. Кроме того, Ленин 10 января 1919 г. направил дополнительную телеграмму председателю Петроградской ЧК относительно М.Н. Суворова⁶⁸. Всех, кроме расстрелянного Квитницкого и остававшегося в заключении Жихора, чекистам пришлось освободить за недоказанностью обвинения.

Судьбы репрессированных

Интересны судьбы лиц, упомянутых в документах. Главный из арестованных флотских офицеров, бывший капитан 1-го ранга А.П. Екимов 2-й, по характеристике из дневника контр-адмирала В.К. Пилкина, был «больной, истеричный человек, грубо обращающийся с командой, и которого я сажал под арест за то, что он давал волю рукам. Не думал я, что он когда-нибудь попадет в выборные начальники! Не думал, конечно, что он будет когда-нибудь расстрелян»⁶⁹.

В действительности Екимов тогда расстрелян не был. 15 февраля 1919 г., после тюремного заключения он был осужден на принудительные работы и, по некоторым данным, попал в лагерь под Вологдой, где оказался и Селитренников, но эти сведения нуждаются в проверке⁷⁰. 25 марта 1919 г. Екимов был освобожден, в апреле 1919 г. он занял должность начальника отделения Морского Генерального штаба. В том же 1919 г. Екимов стал помощником начальника штурманского отдела управления безопасности кораблеводства Балтийского моря⁷¹, а к 1922 г. дослужился до помощника начальника Главного гидрографического управления.

Бывший капитан 2-го ранга В.В. Селитренников освобожден даже ранее своего начальника, так как уже 21 марта 1919 г. был назначен начальником морского отделения штаба 6-й армии⁷². После Гражданской войны он преподавал в Военно-морской академии, но в 1937 г. был арестован и на следующий год расстрелян. Та же участь постигла бывшего флагманского штурмана Минной дивизии И.Д. Ковтуновича, арестованного и расстрелянного в 1938 г. К.Р. Курило эмигрировал во Францию, а позднее в Аргентину, где умер в 1959 г.⁷³

Генштабист Б.П. Поляков, просидев в тюрьме до начала февраля 1919 г., был освобожден, после чего поспешно покинуть негостеприимное государство рабочих и крестьян и летом 1919 г. перешел в белую Северо-Западную армию, умер в эмиграции в 1956 г. Бывший генерал-генштабист Л.И. Савченко-Маценко освобожден в начале 1919 г., продолжил службу в РККА, однако в 1920 г. все-таки был расстрелян⁷⁴.

Итоги

История с раскрытием заговоров в Петрограде в 1918 г. и практикой упреждающего террора — это не частный или малозначительный сюжет. Рассмотренные события органично вписываются в определенный период истории Гражданской войны в России и позволяют по-новому рассмотреть подпольную борьбу противников большевиков внутри РККА, а также карательную политику и практику советской власти на одном из самых трудных для судьбы Советской России исторических этапов.

Бывшие офицеры демонстрировали поразительную недалекость, объединяясь в многочисленные, но нередко существовавшие лишь в головах самих участников, а по сути не функционировавшие, подпольные организации. В обстановке «красного террора», когда для расстрельного приговора даже не требовалось каких-либо доказательств вины (вполне достаточно было принадлежности к «эксплуататорским классам», к которым, разумеется, относились и бывшие офицеры, либо подозрений), подобное поведение было в высшей степени наивным. Большевики жестоко расправлялись с такими проявлениями нелояльности, чем в значительной степени сумели парализовать подпольную работу своих противников. Важным средством борьбы были упреждающие репрессии.

Превентивный террор красных 1918 г. в целом продемонстрировал свою высокую эффективность как для ликвидации и парализации работы подпольных организаций, так и для устрашения тех, кто оставался на свободе. В то же время подобная практика (беззаконная с точки зрения современных правовых норм, но обусловленная «революционной целесообразностью» в Гражданскую войну) вела к многочисленным арестам невиновных и даже лояльных большевикам лиц, толкая последних в лагерь контрреволюции.

Бессмысленными, дискредитировавшими чекистов жестокостями выглядят аресты многих больных и истощенных людей, не помышлявших ни о какой контрреволюции, в особенности инвалидов, например парализованного генштабиста Н.И. Дроздовского, который даже не мог говорить. Аресты квалифицированных специалистов вырывали их из рядов Красной армии и препятствовали ее укреплению. Арестанты месяцами сидели в тюрьмах, притом что никаких следственных действий не предпринималось. Получается, что чекисты считали свою работу выполненной, если хотя бы изолировали подозрительных лиц, не пытаясь разобраться в их вине.

Большевистское военно-политическое руководство понимало всю важность борьбы с контрреволюцией, но при

этом осознавало, что одними арестами бывших офицеров одержать победу в Гражданской войне нельзя. Хотя бы для сохранения режима большевикам пришлось балансировать между упреждающим террором и терпимым отношением к военспецам. Осень 1918 г. была периодом, когда методы террора возобладали. Но в течение нескольких месяцев террора в большевистском руководстве сложилось понимание того, что этот путь ведет лишь к озлоблению населения (в особенности незаменимых квалифицированных специалистов, интеллигенции), толкает его в противоположный лагерь, а укрепление Советской России, прежде всего в военном деле, в экономике и на транспорте, страдает. В тяжелейших условиях Гражданской войны большевики пошли на ослабление террора и некоторое ограничение полномочий чекистов, стали требовать от них более осмотрительного отношения к репрессиям и перехода к более сложным приемам работы⁷⁵, а многие арестованные, в том числе по делам о заговорах, были освобождены.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Документ 1. Рапорт В.В. Трофимова начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву. 05.01.1919.

Генерального штаба

В.В. Трофимов

«5» Января 1919 г.

№ 2

г. Серпухов

При сем представляю:

Начальнику Полевого штаба
Революционного Военного
Совета Республики⁷⁶

1) рапорт Генерального штаба Б.П. Полякова, в пояснение коего по личной его просьбе считаю необходимым добавить, что вокруг его имени создалась масса легенд самого разнообразного характера, но взаимно противоположного, вроде, например, обвинений: «в немецкой ориентации», в «союзнической ориентации», в участии в монархических или эсеровских заговорах и т.п. Служба его вся проходила на виду в штабе Северного участка и Петроградского района, почему вряд ли могла быть так легко осуществляема какая бы то ни было конспиративная работа в условиях названной обстановки, и он особенно ходатайствует о командировании представителя Р.В.С. Республики, который мог бы или лично его опросить, или, по крайней мере, присутствовал бы при его допросе и тем самым смог бы установить всю неосновательность существующих против него даже не обвинений, а подозрений, ибо, по его мнению, кроме выдающейся прежней службы при старом правительстве – ничто не может служить материалом для его обвинения.

Аналогична просьба генштабиста Л.И. Савченко-Маценко, про коего я не слышал даже ни одной легенды и который сам не может даже разобраться в том, что же могло служить поводом к его аресту;

2) доклад;

3) Список числящихся за Петроградской Ч.С.К.⁷⁷ и до сих пор не освобожденных специалистов Генерального штаба.

4) справка: Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны (копия).

Генерального штаба В. Трофимов

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 52–53. Подлинник. Машинопись.

Документ 2. Рапорт Б.П. Полякова Ф.В. Костяеву. 23.12.1918.

Генштаба Костяеву

Рапорт

Доношу, что нахожусь [в] заключении седьмой месяц. 22-го июня арестован, 23-го июня на допросе гр[ажданин] Урицкий⁷⁸ сказал, что арестовывает «на всякий случай» и обвинения предъявить не может. 3 октября допрашивал следов[атель] Снетков, повторил то же и обещал выпустить; 29 октября был подписан ордер на освобождение (сам Снетков был за что-то арестован, и дело передали Дигентштеду⁷⁹). 25 ноября допрашивал Дигентштедт, из показаний ни слова не написал и протокола не составлял, сказал, что внесет дело на рассмотрение президиума.

17 декабря допрашивал Николаев, сказал, что обвинения нет, на днях выпустят. При обыске ничего не нашли. За две недели до смерти гр[ажданин] Урицкий обещал жене меня выпустить и вернул отобранные деньги. Причины ареста для меня непонятны до сего времени. Ни в какой контрреволюции не замешан, к партиям и организациям не принадлежу. Самое противоречие в отношениях ко мне следователей указывает на отсутствие оснований для обвинения. Дело свое видел, оно ничего не содержит. Объясняю арест и дальнейшее задержание грязным доносом и междуведомственными трениями.

Прошу либо потребовать немедленного освобождения, и притом настоятельно, либо прислать делегата для допроса меня председательницей комиссии при мне и для разбора дела. Никакие мои заявления по назначению не доходят.

Генштаба Б. Поляков

23 декабря 1918 года

Дерябинская тюрьма

Камера № 6.

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 54-54об. Подлинник. Карандаш.

Документ 3. Список специалистов Генштаба, числящихся за Петроградской ЧК.

Приложение № 3.

Список специалистов Генерального штаба, числящихся за Петроградской Ч.С.К.

1. Кондратьев [Б.Н.]

2. Конураков⁸⁰

3. Степанов [А.Ф.]
 4. Михеев [В.С.]
 5. Савченко-Маценко Л.И.
 6. Поляков Б.П.
- РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 55. Подлинник. Машинопись.*

**Документ 4. Выдержки из постановления Совета рабочей и крестьянской обороны,
опубликованного в газете «Известия ВЦИК» 14.12.1918.**

Приложение № 4. Копия.
Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 14 декабря 1918 года № 274 (538).
Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны

П. 2

«Предоставить народным комиссариатам через своих делегатов участвовать в следствии об арестованных Чрезвычайными Комиссиями гражданах».

П. 3.

«Предоставить народным комиссариатам право освобождать из-под ареста всех тех из арестованных по постановлению Чрезвычайных Комиссий, за коего представят письменное поручительство два члена коллегии комиссариата».

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 56. Машинописная копия.

Документ 5. Доклад В.В. Трофимова.

Доклад

Будучи в течение последних четырех месяцев дважды арестованным и освобожденным из-под стражи распоряжением Петроградской чрезвычайной следственной комиссии, подробности чего Вам уже известны, и имея, вследствие этого, возможность лично ознакомиться как с положением дел, так и с обстановкой, в коей находятся в настоящее время заключенные в тюрьме наши сослуживцы по корпорации и специальности Генерального штаба, а также те лица, с коими мне пришлось столкнуться по обязанностям службы, я считаю своим долгом, как в интересах общего дела, коему в настоящее время мы служим, так и в целях предотвращения могущих произойти роковых ошибок, изложить некоторые данные и детали по этому вопросу.

Категорически настаивая на факте полной моей непричастности к тем двум делам, в связи с возникновением коих я был дважды арестован и содержания которых я вкратце коснусь в излагаемом докладе, я еще раз позволю себе настоятельно указать на недопустимость подобных бесконтрольных арестов состоящих на ответственной службе специалистов Генштаба, число коих в настоящее время весьма ограничено, а также на бесцельную и вредную волокиту в разборе таковых дел в очередном порядке, что на практике приводит к затяжке следствия, часто на сроки до семи месяцев. Та же недопустимость проволочки на основании печального опыта с генштаба Саловым имела результатом смерть последнего от истощения в «Крестах» и заставляет держать в заключении уже около семи месяцев генштаба Б.П. Полякова, рапорт коего при сем прилагаю, – около трех с половиной месяцев генштаба Л.И. Савченко-Маценко, перенесшего в настоящее время сыпной тиф в тюремной больнице, также истощенного до крайности вследствие систематического недоедания, вынуждает голодать их семьи, ни в чем не повинные, и пока не привела ни к каким полезным для дела революции результатам, ибо ведь ни тому, ни другому, согласно с личными их заявлениями, до настоящего времени никаких обвинений не предъявлено.

В то же самое время правительство, формируя огромную армию для борьбы на четыре фронта, нуждается в опытных специалистах Генштаба, каковыми оба названные лица и являются: Поляков – в деле организации вооруженной силы и тыла армии и дела снабжения, а Савченко-Маценко – по части широкой эксплуатации жел[езно]дорожных путей – единственный представитель у нас и специалист, детально изучивший эту отрасль и подготовивший научный труд по этому вопросу, помимо наличия обширного опыта и практики в этом новом, весьма важном и сложном деле.

Возвращаясь к истории моих арестов, я кратко изложу суть дела:

29/IX-[19]18 года по ордеру Ч.С.К., подписанному Иосилевичем, у меня на квартире был произведен обыск и выемка (академических лекций, тактических задач, случайной переписки и моей шашки), после чего я был арестован и препровожден на Гороховую, 2, где встретил в камере почти весь Штаб Морских сил р. Невы и Ладожского озера (где находился в прикомандировании и я), причем часть чинов штаба была опрошена (кроме меня), часть же была через сутки освобождена; затем всех нас оставшихся препроводили в Дерябинскую тюрьму, где я узнал от своих сослуживцев, что мы все, вероятно, арестованы в связи с делом Билибина (контрреволюционным восстанием в гор. Осташкове – в Волго-Селигеровской флотилии), так как всех моряков спрашивали именно про Билибина как бывшего их сослуживца по составу Морских сил р. Невы и Ладожского озера; через пять дней, по ордеру Ч.С.К. за № 17141 от 2/X я был освобожден и, считая недоразумение со мной выясненным, спокойно продолжал числиться в штабе, ожидая такого же выяснения недоразумения и с остальными моими сослуживцами, оставшимися в заключении, где они до сих пор пребывают.

Фамилии их перечисляю: начальник М. С. р. Н.⁸¹ Екимов Анатолий Петрович, бывший капитан 1-го ранга, присужденный в 1915–[19]16 гг. за нежелание подавить восстание на миноносце, стоявшем на Владивостокском рейде, «к лишению всех особенных прав и преимуществ, лишению чинов, орденов и дворянского звания», отбывший это наказание и впоследствии восстановленный в служебных правах за боевые заслуги. Прибывший в мае из Гельсингфорса и добровольно поступивший на службу, желая спасти корабли, на которых так долго плавал.

2) Селитренников Вас. Вас., бывший капитан 2-го ранга, начальник распорядительной части штаба М. С. р. Н. и Л. о.⁸² морского Генерального штаба. Прибыл из Финляндии в прошлом июне и добровольно поступил на службу.

3) Гаврилов Борис Петрович флагманский артиллерист при штабе – тоже прибыл из Финляндии (бывший старший лейтенант).

4) Исаев Николай Николаевич, бывший подпоручик по Адмиралтейству, освобожден одновременно со мною 19-го декабря.

5) Ковтунович Илья Дмитриевич, бывший мичман, флагманский штурман.

6) Ташаков, Бернгоф, Клинтух, Мартынов, Курило и Николай Петрович Гаврилов – все из числа командного состава М. С. р. Н. и Л. о., с которыми я познакомился в тюрьме, ибо ранее их не знал, не имея никакого соприкосновения с командным составом кораблей.

Никому из выше перечисленных лиц штаба М.С. Екимову, Селитренникову, Гаврилову и Ковтуновичу никакого обвинения предъявлено не было, опрошены же они до сих пор всего лишь один раз, и всех при этом спрашивали про Билибина.

Вторично я был арестован 20/XI в квартире некоего Ховена,⁸³ куда зашел снимать помещение для своих вещей, ибо предстоял мой отъезд в Серпухов к настоящему моему месту служения. Как и в первый раз, никаким моим доку-

ментам за соответствующими подписями значения придано не было, равно как не была уважена просьба разобрать дело в спешном порядке, навести немедленно обо мне справки и, наконец, поставить в известность моего начальника и комиссара; мне лишь учинен был самый поверхностный опрос без предъявления какого бы то ни было обвинения, после чего я был заключен вновь в Дерябинскую тюрьму.

Дальнейший ход событий Вам известен, равно как и подробности хлопот о моем освобождении, осуществить которое на деле так упиралась Ч.С.К., ссылаясь на ряд «серьезных» и самых противоречивых по существу предположений и подозрений.

Наконец, 16-го декабря в тюрьме я был вызван к допросу следователем комиссии Байковским, как выяснилось, для дачи показаний по делу штаба М. С. р. Н. и Л. о. Допрос этот был самый поверхностный, так как, видимо, материала для него никакого не было (даже ложного доноса), пресловутого Билибина я не знал и никогда не видел, равно как и с командным составом штаба я познакомился лишь при моем туда назначении, т.е. с 17-го июня (прошлого года), и вновь мне обвинения предъявлено не было в конкретной форме. В ответ же на мой настойчивый вопрос, что же, в конце концов, мне инкриминируется, я получил ответ: «Штаб М. С. р. Н. и Л. о. обвиняется в намерении сдать суда этого отряда англичанам – Вы же служили в штабе, следовательно, обвиняетесь и Вы».

19-го декабря меня освободили по ордеру Ч.С.К. от того же числа за № 18213, причем одновременно со мной отпустили на свободу флаг-секретаря штаба Ник. Ник. Исаева, коего допрашивал Байковский одновременно со мной и предъявил ему обвинение в приблизительно такой же форме.

По дошедшим до меня в тюрьме слухам, Билибин, как признанный ненормальным, переведен из одиночной камеры в общую и дело, центральной фигурой которого он был, ликвидируется, ибо часть арестованных Волжско-Селигерской флотилии уже начали отпускать на свободу, почему, видимо, арестованным уже в течение трех месяцев чинам штаба М. С. р. Н. и Л. о. предъявлено новое обвинение, а именно то, что сказал в общих чертах мне следователь Байковский. Нельзя умолчать и об обстановке первого моего освобождения (2 октября), которая на Гороховой, 2, считалась не более и не менее как «побегом из тюрьмы», ввиду того, что вышеуказанный ордер не был даже зарегистрирован в секретариате Ч.С.К., каковую ссылку сделал следователь Дигельштедт⁸⁴ в разговоре с тов. Ильюшиным, когда последний выяснил обстановку вторичного моего ареста; тем не менее тот же самый ордер был у меня отобран при втором моем аресте и должен находиться в делах комиссии вместе с остальными моими документами.

Принимая во внимание все вышеизложенное и испытав на себе в течение пяти недель все последствия происшедших недоразумений, я пришел к следующим выводам:

1) При огромном числе арестованных, главную часть которых составляет буржуазия и офицеры, Петроградская Ч.С.К., располагая всего лишь 6-ю следователями, определенно лишена возможности не только детально разобраться в степени причастности к контрреволюции и в виновности лиц, числящихся за ней, но и регистрировать всех арестованных.

2) При общем числе до 5000–7000 человек, числящихся за комиссией в разных тюрьмах г. Петрограда и при ежедневных регулярно происходящих арестах до 90–100 человек (на основании моих наблюдений за 6 суток в общей камере на Гороховой, 2, проведенных не сразу, а с промежутками в 1 месяц и две недели) следователи комиссии не могут успевать не только допрашивать, но и регулярно предварительно опрашивать прибывающих арестованных, а тем более делать немедленные справки и выяснять личность по телефону или телеграфу.

3) Та же самая перегрузка комиссии работой влечет за собою продолжительное пребывание в заключении не допрошенными весьма многих невиновных ни в чем должностных лиц (до 3–4 месяцев).

4) По той же причине многие из арестованных ответственных советских работников лишены, в свою очередь, возможности быстро реабилитировать себя, ибо должны ожидать очереди для допроса.

5) Отсутствие специалистов в качестве экспертов при допросах лиц военных в делах, где подозреваемое контрреволюционное деяние находится в непосредственной связи с решением вопросов военно-оперативного характера, дает возможность часто ошибочно инкриминировать совершенно несостоятельное обвинение, которое было предъявлено мне и тяготеет в настоящее время над чинами М. С. р. Н. и Л. о.; ибо по существу дела до заключения перемирия между Антантой и Центральными державами подобная «передача судов» едва ли была возможна – штаб же был арестован уже 29-го сентября; по характеру же задачи, возложенной на М. С. р. Н. и Л. о., суда отряда никуда дальше реки Невы и Ладожского озера не выходили, да и выходить не могли – как показывает и самое название отряда. Значительная часть этих кораблей находилась в ремонте, часть готовилась к отправке на укомплектование Волжской флотилии, и командный состав и экипажи кораблей с организационной точки зрения находились в стадии перехода от прежнего порядка укомплектования по воинской повинности к условиям вольного найма; ко всему этому полезно добавить, что лишь с середины июля стал вводиться на кораблях и в штабах институт военных комиссаров, большая же часть командного состава была смещена или еще раньше осталась в Финляндии, Украине и т.д.

6) Вследствие тех же указанных в вышеприведенных пунктах причин, аналогично и безотрадно положение арестованных специалистов Генштаба, которым обвинения не предъявлено вовсе, но кои подозреваются в сношении с враждебными Советской Республике правительствами, в контрреволюционных заговорах или в шпионаже, установить же наличие таковых деяний нет возможности опять-таки за отсутствием именно экспертов-специалистов.

В пояснение изложенных фактов полагаю полезным, со своей точки зрения пояснить обстоятельства ареста чинов штаба М. С. р. Н. и Л. о., причиной которого, мне кажется, скорее всего, была горячность комиссара Буша (ныне председателя комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией в Балтийском флоте – Петроград, Английская наб., № 66), ибо из двух предъявленных им разнохарактерных по существу обвинений, одно уже отпало, если верно, что Билибин признан ненормальным, связь же их с ним не установлена, а второе – маловероятно, как в порядке срока предъявления обвинения, «в намерении сдать корабли англичанам», так и в бывших условиях политической и стратегической обстановки и по полному отсутствию фактического материала по обоим вопросам.

Если же принять во внимание, что арест их последовал непосредственно за объявлением красного террора и весь старый и новый командный состав М. С. р. Н. и Л. о. находился в крайне неопределенном положении в отношении своих прав и обязанностей в связи с введением института военных комиссаров, то станет ясным, насколько подходящей была вся конъюнктура для возникновения всевозможных подозрений у комиссара штаба, следствием чего и явился арест чинов его, через несколько дней после ареста штаба Волжско-Селигерской флотилии, с коим, считаю не лишним добавить, штаб М. С. р. Н. и Л. о. не находился даже в служебной связи. М. С. р. Н. и Л. о. были подчинены во всех отношениях непосредственно командованию флотом и только в оперативном отношении временно подчинялись штабу Северного участка и Петроградского района; Онежская, Ильменевская и Волжско-Селигерская флотилия – непосредственно и во всех отношениях – штабу Северного участка и Петроградского района.

В целях устранения на будущее время всех недочетов и недоразумений на почве необоснованных арестов как специалистов Генштаба, число коих, повторяю, в настоящее время весьма ограничено, потребность иметь таковых в

войсках весьма велика, так и военных моряков командного состава, значительная часть коих или устроена, или находится за пределами Республики, а добровольно поступившие на службу, и, в частности, специально для этого приехавшие из Финляндии (Екимов, Селитренников, Гаврилов и другие), находятся до настоящего времени в тюрьмах; я полагаю, будет полезным осуществление нижеследующих мер:

1) Возможно скорее назначить специальную комиссию в составе: а) полномочного делегата от Народного Комиссариата по военным делам или от Р.В.С. Республики, б) специалиста Генштаба и в) специалиста военного моряка – обоим последним в качестве экспертов из числа облеченных доверием и зарекомендовавших себя на советской службе, – для разбора дел перечисленных в моем докладе лиц в срочном порядке – дабы, с одной стороны, облегчить и детали[зи]ровать работу Петроградской Ч.С.К. в специальном военно-контрольном отношении, а, с другой стороны, привлечь арестованных чинов Генштаба и военных моряков в случае их реабилитации к работе по строительству армии и организации флота, который в настоящее время также остро нуждается в опытных специалистах.

2) Дать полномочия той же комиссии потребовать от Петроградской Ч.С.К. во внеочередном порядке и при непосредственном ее участии рассмотрения дел других арестованных лиц командного состава армии и флота, ибо, по самым моим поверхностным наблюдениям, таковых весьма много находится арестованными в тюрьмах гор. Петрограда, причем редко кому из них предъявлено какое-либо обвинение.

3) Подтвердить для неуклонного исполнения приказ Народного Комиссариата по военным делам о порядке соблюдения необходимых формальностей при арестах лиц командного состава армии и флота и особенно специалистов Генштаба.

4) Испросить через Главнокомандующего Р.В.С. Республики издания соответствующего приказа о непременно привлечении к разбору могущих вновь возникнуть дел о лицах Генштаба и командного состава армии и флота, арестованных преднамеренно или случайно распоряжением Ч.С.К. – экспертов-специалистов из числа чинов Генерального штаба. Таковой приказ, если издать его будет признано полезным, послужит развитием п.п. 2 и 3 постановления Совета рабоче-крестьянской обороны Республики, опубликованного в Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 14-го декабря 1918 года № 274 (538).

5) Если высказанное в п. 4 мероприятие явится соответствующим и пройдет в жизнь, то внесением проекта той же приблизительно редакции в Совет рабоче-крестьянской обороны, быть может, удастся исходатайствовать соответствующего дополнительного постановления, которое станет обязательным для Ч.С. Комиссий.

Представляя излагаемый доклад на Ваше усмотрение и заключение, я прошу содействия в проведении в жизнь перечисленных в нем мероприятий в целях упорядочения дела строительства армии, исходатайствовав перед Главнокомандующим всеми Вооруженными силами Республики соответствующей санкции и дальнейшего его развитие.

Генерального штаба В. Трофимов

РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 57-61 об. Подлинник. Машинопись.

¹ Ганин А.В. Дело генштабиста Трофимова // Клио. 2011. № 9 (60). С. 95–98.

² Подробнее об этой дискуссии см.: Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 218–233; Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...». Проект Л. Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / Публ. Д. С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.

³ Постановление ВЦИК о правах ВЧК и ревтрибуналов. 17 февраля 1919 г. // Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 258.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 87.

⁵ Подробнее об И.Н. Билибине см.: Пионтковская Ю.Е. Билибины: История рода, воспоминания, письма, стихи. Калуга, 2008. С. 123–127.

⁶ Там же. С. 127.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 3. Л. 3. Воспоминания Репина были положены в основу современного исторического романа его племянницы А.В. Репиной «Черный гардемарин. Судьба и время» (М., 2008). Значительная часть романа представляет собой простой пересказ этих воспоминаний, вместе с тем, некоторые факты, связанные с событиями в Селигеро-Волжской флотилии, оказались случайно или преднамеренно искажены.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 8, 9.

¹⁰ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 14, 17.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

¹² Там же. Л. 15–16.

¹³ То есть жители Осташкова.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–17.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 13.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 51.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 23; Д. 3. Л. 33 об.

¹⁸ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 117.

¹⁹ Подробнее о составе флотилии см.: Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2 (Северо-Запад). Ч. 2. Озерные и речные флотилии. Л., 1926. С. 159.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же. Л. 27–27 об.

²³ Там же. Л. 29 об.

²⁴ Там же. Л. 31.

²⁵ Там же. Д. 2. Л. 62.

²⁶ Там же. Л. 62 об.

²⁷ Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Кн. 1. Л., 1989. С. 201–202.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 2. Л. 74 об.

²⁹ Там же. Л. 81 об.

³⁰ Там же. Л. 98 об.

³¹ Там же. Л. 63.

³² Там же. Л. 98 об.

³³ Там же. Л. 97–97 об.

- ³⁴ Там же. Л. 97 об.
- ³⁵ Там же. Л. 98.
- ³⁶ Там же. Л. 98 об.
- ³⁷ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 190.
- ³⁸ Там же. Л. 65, 71.
- ³⁹ Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 48.
- ⁴⁰ Там же. С. 109.
- ⁴¹ Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 55.
- ⁴² ГА РФ. Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 2. Л. 90 об.
- ⁴³ Публикацию документа см.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1918). Л., 1968. С. 163. Также см.: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 361.
- ⁴⁴ Звягинцев В.Е. Трибунал для флагманов. М., 2007. С. 47.
- ⁴⁵ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. С. 190.
- ⁴⁶ Мишанов В.Г. Дело Минной дивизии // Андреевский флаг (Санкт-Петербург). 1992. № 2. С. 7; Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 96–97, 114–115.
- ⁴⁷ Белый Север. Т. 1. С. 47.
- ⁴⁸ Там же. С. 113; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 155, 178.
- ⁴⁹ Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 195.
- ⁵⁰ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. С. 239.
- ⁵¹ Там же. С. 240.
- ⁵² Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 174–175.
- ⁵³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 6. Д. 134. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 10об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 50.
- ⁵⁶ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 97.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 46, 96.
- ⁵⁸ Там же. Л. 209.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 58. Л. 24.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 39.
- ⁶¹ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.
- ⁶² Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.
- ⁶³ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 66.
- ⁶⁴ Там же. Л. 171.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 608.
- ⁶⁶ В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 136.
- ⁶⁷ Там же. С. 139–140.
- ⁶⁸ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 265.
- ⁶⁹ Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 40.
- ⁷⁰ Звягинцев В.Е. Трибунал для флагманов. М., 2007. С. 47.
- ⁷¹ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 534.
- ⁷² Приказ РВСР по л/с армии. 1919. № 249. 27.09.
- ⁷³ Сведения о судьбах флотских офицеров установлены по: Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004; Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007; Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001.
- ⁷⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.
- ⁷⁵ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 327.
- ⁷⁶ Карандашная резолюция: Архив.
- ⁷⁷ Здесь и далее – Ч.С.К. – Чрезвычайная следственная комиссия (ЧК).
- ⁷⁸ Имеется в виду М.С. Урицкий – председатель Петроградской ЧК.
- ⁷⁹ Имеется в виду Н.Н. Дингельштедт. Подробнее о нем см.: Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 193.
- ⁸⁰ Такого генштабиста не было.
- ⁸¹ Морских сил реки Невы.
- ⁸² Здесь и далее – М. С. р. Н. и Л. о. – Морские силы реки Невы и Ладожского озера.
- ⁸³ Трофимов был арестован на квартире гражданина Ховена (Сергиевская ул., д. 9, кв. 58, по другим данным – д. 58). По адресной книге Петрограда на январь 1917 г. по ул. Сергиевская, д. 58, проживала баронесса Екатерина Константиновна Ховен, а неподалеку – по ул. Сергиевская, 40, проживали бароны Георгий Николаевич и его отец Николай Николаевич фон-дер Ховены (Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1917. С. 728). Последний, по всей видимости, был племянником Екатерины Константиновны. Впоследствии Г.Н. Ховен проходил по делу «Национального центра» в Петрограде (Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 242, 286). В 1920 г. по решению внесудебной тройки ВЧК был расстрелян Б.М. Ховен (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 156). Установить, о каком именно бароне Ховене идет речь применительно к аресту Трофимова, пока не удалось. Выражаю благодарность крупнейшему знатоку генеалогии балтийско-немецкого дворянства в России к.и.н. М.Ю. Катину-Ярцеву за предоставленные сведения о родственных связях Ховенов. Следует отметить, что в работе С.С. Войтикова эти события и люди оказались перепутаны, а сам эпизод изложен превратно, так как Войтиков ошибочно принял Г.Н. Ховена, Б.М. Ховена и пока не идентифицированного «гражданина Ховена» за одного и того же человека – члена подпольного «Национального центра» и бездоказательно связал его с делом Трофимова, обвинив того безо всяких на то оснований в принадлежности к «Национальному центру» – Войтиков С.С. Высшие кадры Красной армии 1917–1921 гг. М., 2010. С. 393.
- ⁸⁴ Правильно – Дингельштедт.